

Т. В. Рогачева

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается категория «жизнеспособность» с позиций отечественной и зарубежной психологии, что позволило выявить основное различие в подходах. Отечественные психологи чаще не ориентируются на понятие «способности», рассматривая их как индивидуально-личностные особенности. Западная психология в первую очередь ориентирована на активность человека в мире. Поэтому в отечественной психологии жизнеспособность — это в первую очередь ресурс личности, тогда как в западной психологии жизнеспособность личности определяется как адекватное конструирование своей модели жизни в соответствии с теми знаниями, умениями и навыками, которые есть на данный момент у личности, и теми ресурсами, которыми располагает личность для воплощения этой модели в жизнь.

Ключевые слова: способность, жизнеспособность, активность личности, ответственность, конструирование жизни.

T. Rogacheva

THE DEVELOPMENT OF THE “VIABILITY” CONCEPT IN RUSSIAN AND FOREIGN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

The article focuses on the notion of viability and compares how the concept is defined in Russian and foreign research sources. Russian academics tend to consider an “ability” as an individual feature, and do not rely on it when addressing the “viability” issue. Western psychology primarily focuses on an individual’s social activity. Therefore, Russian psychological science defines “viability” primarily as a psychological resource of an individual. Foreign psychological research, on the contrary, considers “viability” to be, on the one hand, an individual’s ability to construct the model of one’s lifestyle in accordance with their knowledge, skills, and abilities, and on the other, to be one’s resources which an individual could use to fulfil this lifestyle concept.

Keywords: ability, viability, individual activity, responsibility, construction of a lifestyle model.

Проблема определения понятия «жизнеспособность» требует категоризации другого понятия — «способность». Во многих работах отечественных психологов дается детальный анализ соотношения категории «жизнеспособность» с такими понятиями, как «жизнестойкость», «сопротивляемость» и т. д., при непроясненности понятия «способность».

Традиции отечественной психологии предполагают, что, во-первых, трактовка способностей может быть осуществлена только с позиций конкретного человека. В широком смысле под способностями принято понимать индивидуально-психологические особен-

сти, регулирующие поведение человека и являющиеся условием успешного выполнения любой деятельности. Поэтому категория «способность» используется в контексте проявления индивидуальных различий, в том числе связанных с индивидуальной продуктивностью.

Во-вторых, способности чаще определяются с позиции деятельностного подхода. Поэтому под способностями понимают также и комплекс психических свойств человека, необходимых для выполнения определенного вида деятельности. Способность наряду с потребностью является родовой и сущностной

силой человека, составляющей его потенциал. Способность можно рассматривать как системное качество, которое обеспечивает самоутверждение человека в мире посредством реализации его сущностных природных, социальных и духовных сил. Становление способностей предполагает приобретение и реализацию готовности присваивать, воспроизводить и продуцировать природно (как жизнедеятельность организма), социально (как социализацию) и духовно (как присвоение культуры) ценные способы взаимодействия с миром. Человеческая способность есть «осоциальная» жизнеспособность, т. е. приобретение, применение и преобразование опыта.

Первым отечественным психологом, который ввел в понятийное поле советской психологии категории «жизнеспособность» и «жизнестойкость», был Б. Г. Ананьев. Уже в I главе своей работы «Человек как предмет познания» данный автор указывает на перспективы изучения человека через диалектическое взаимодействие дифференциации и «смежности» как «преобразования прикладных функций одной науки по отношению к другой» [1, с. 5], имея в виду медицину и психологию. Ананьев подчеркивает, что «всё большее внимание наряду с познанием природы болезней уделяется здоровью и комплексу факторов, повышающих жизнеспособность и жизнестойкость человека» [1, с. 10].

Ананьев, не давая определения понятию «жизнеспособность» в данной работе, в то же время проводит глубокий анализ факторов, способствующих высокой жизнестойкости человека. Он пишет, что главным фактором выступает «образование индивидуальности и обусловленное ею единое направление развития индивида, личности и субъекта в общей структуре человека» [1, с. 92], другими словами — индивидуальность есть «синтез свойств замкнутой саморегулирующейся системы» [1, с. 77] и не может быть сведена к таким показателям, как пол, возраст, статус, мотивации и др.

Ананьев показывает механизм формирования жизнеспособности, давая четкие определения составным структурным элементам индивидуальности. Индивид, с позиции Б. Г. Ананьева, это совокупность 3 групп первичных природных свойств: конституциональных (биохимических и общесоматических); нейродинамических и билатеральных [1, с. 65]. Таким образом, индивидуальные характеристики выступают базисными по отношению к личностным и субъектным характеристикам индивидуальности. Личностный уровень предполагает совокупность отношений человека к миру [1, с. 69], субъектный — определяет свойства индивида и личности, соответствующие предмету и средствам деятельности [1, с. 75]. Следовательно, индивидуальность как основной фактор жизнеспособности предполагает, что человек в своей структуре должен обладать собственным внутренним миром, самосознанием и саморегуляцией поведения, которые складываются и действуют как организаторы поведения личности. Более того, именно индивидуальность обуславливает единое направление развития человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Если у человека не сформированы или по определенным причинам не развиваются вышперечисленные структурные компоненты, то начинается процесс «завершения человеческой жизни» [1, с. 91]. Суть такого процесса в том, что определенные формы человеческого существования прекращаются еще при жизни человека. Ананьев пишет: «Такое состояние имеет место тогда, когда человек сам развивается в направлении растущей социальной изоляции... используя свое право на социальное обеспечение. Постепенное освобождение от обязанностей и связанных с ними функций приводит к соразмерному сужению объема личностных свойств, деформации структуры личности» [1, с. 91].

В более поздней работе «О проблемах современного человекознания» [2] Б. Г. Ананьев отмечает, что имеются различные основания считать общность разных сторон личности

фактом фундаментального значения, поскольку основные формы социальной деятельности человека, в которых формируются и реализуются его отношения, имеют общие эффекты, производимые их конвергенцией. К этим эффектам, несомненно, относятся и различные потенциальные свойства личности: жизнеспособность, работоспособность, одаренность и т. д. Таким образом, жизнеспособность рассматривается данным автором как потенциал, ресурс личности.

В западной философии и психологии трактовка категории «способность» прямо связана с проблемой активности человека в мире. Ближе всех к подобной трактовке способностей стоит С. Л. Рубинштейн. В своих дневниках Рубинштейн размышлял: «Вопрос о способностях человека, поставленный по настоящему, это не просто вопрос о пригодности человека к той или иной профессии. Вопрос о способностях человека неизмеримо шире. Вопрос о способностях человека неизмеримо глубже. Вопрос о том, на что способен человек, это вопрос о самом человеке, его природе, его возможностях, его будущем — вопрос о том, кто он есть и чем он может стать» [5, с. 484]. Таким образом, данный автор, также как Лазурский, ставил проблему способностей через проблему личностного развития. Он писал: «Развитие человека в отличие от накопления «опыта», овладения знаниями, умениями, навыками — это и есть развитие его способностей, а развитие способностей человека — это и есть то, что представляет собой развитие как таковое» [7, с. 3–4]. Такая постановка проблемы позволила С. Л. Рубинштейну обратить внимание, что способности не могут быть привиты, навязаны извне, в самом индивиду должны быть определенные предпосылки, внутренние условия для формирования и развития способностей: «Под способностями ... разумеют сложное образование, комплекс психических свойств, делающих человека пригодным к определенному, исторически сложившемуся виду ... деятельности» [5, с. 256]. Способности, с позиции Рубинштейна, формируются в результате

«устанавливающейся в психической деятельности связи субъекта с объектами деятельности, жизненно важными для субъекта, являющимися условиями его жизни» [5, с. 258], а сама деятельность определяется как процесс, с помощью которого человек реализует свое отношение к миру. Другими словами, способность — «закрепленная в индивиду система обобщенных психических деятельностей» [5, с. 258], причем деятельность это «такой процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему миру» [5, с. 231]. Таким образом, Рубинштейн предлагает механизм формирования любой способности, смысл которого в том, что «нужно, прежде всего, создать жизненную потребность в определенном виде деятельности, в определенной форме активного общения с миром» [5, с. 259].

Данный автор отмечал, что способности определяют как «нечто», что позволяет человеку успешно выполнять «какую-либо деятельность, но при этом никак не определяют, не вскрывают, что само это нечто есть» [7, с. 9]. Поэтому логично возникает вопрос о составе и структуре способностей. Рубинштейн, вслед за исследователями умственных способностей, первоначально принимает их логику, выделяя в качестве компонентов способностей, во-первых, «слаженную и отработанную совокупность операций — способов, которыми осуществляется деятельность, и качества процессов, которыми регулируется функционирование этих операций» [7, с. 10]. Однако далее он замечает: «О способностях человека обычно судят по его продуктивности. Но, наблюдая людей в жизни, нельзя отделаться от впечатления, что люди, по-видимому, вообще даровитые, иногда оказываются не очень продуктивными, дают не столько, сколько обещали, и наоборот, люди как будто менее даровитые оказываются более продуктивными, чем можно было предполагать» [7, с. 10]. Как видится С. Л. Рубинштейну выход из такой типичной ситуации? Признавая значимость продуктивности деятельности, данный автор подчеркивает, что данный процесс это

«результат закрепления не способов действия, а психических процессов («деятельностей»), посредством которых действия и деятельности регулируются» [5, с. 258].

Рубинштейн поставил вопрос детерминированности развития способностей. Указывая на две основные позиции современной ему психологии — теории врожденности способностей и теории внешней детерминированности способностей, данный автор формулирует положение о взаимосвязи и взаимозависимости внутренних и внешних условий — принцип преломления внешних воздействий через внутренние условия. Критикуя марксистский подход, суть которого в том, что бытие человека, выступая первичным фактором существования человека в мире, определяет его сознание, С. Л. Рубинштейн выдвинул и доказал принципиально другой тезис — «сознание определяет бытие». Рубинштейна интересует проблема способностей как в первую очередь возможность осуществлять качественные преобразования психических явлений. Если внутреннее есть психическое, то, как указывает данный автор, активность человека всегда избирательна по отношению к внешнему и определяется собственной логикой человека [5, с. 11], ведь «одни и те же внешние условия оказываются по существу, по жизненному смыслу для индивида различными» [5, с. 270]. Таким образом, способности не могут быть просто сформированы внешней средой, они не проецируются на человека из вещей, а развиваются в нем в процессе его взаимодействия с внешней средой. Поэтому, если продолжить логику Рубинштейна, чем богаче внешняя среда, тем успешнее развиваются способности.

В работе «Человек и мир» Рубинштейн предлагает рассматривать само понятие «мир» как иерархию различных способов существования человека. Он пишет: «Мир — есть организованная иерархия различных способов существования» [5, с. 289] и продолжает: «существовать — значит жить на том уровне, который отвечает данному уровню существующего, данному способу существования,

... значит страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения... Существование — пребывание, «деление», участие, но не в идее, а в процессе жизни» [5, с. 302–303]. Указывая на диалектическое единство внутренних и внешних условий существования человека в мире, Рубинштейн подчеркивает: «Человек включен в свое бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие. Эти действия порождены как ситуацией самой по себе, так и соотношением с потребностями человека» [5, с. 357]. Значит, делает очень важный вывод для данной работы С. Л. Рубинштейн, «ситуация — это лишь один из компонентов, детерминирующих действия. Становление соотносено с тем внутренним в человеке, что в свою очередь соотносено с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим за ее пределы» [5, с. 358].

Таким образом, решая проблему способностей, С. Л. Рубинштейн поднимает актуальные в отечественной психологии вопросы, связанные, с одной стороны, с ролью объективных ситуационных обстоятельств в жизни человека, с другой — с качеством того «строительного материала» [5, с. 268], из которого они формируются. «Способности человека — это снаряжение, которое выковывается не без его участия. По мере того как способности формируются, они в свою очередь обуславливают его деятельность, открывают все расширяющиеся возможности для достижения человеком все более высокого уровня» [5, с. 268]. Поэтому С. Л. Рубинштейн связывает способности с успешностью деятельности. «Вопрос о способностях человека, поставленный по-настоящему, это не просто вопрос о пригодности человека к той или иной профессии. Это вопрос о самом человеке, его природе, его возможностях, его будущем — вопрос о том, что он есть и чем он может стать», — писал С. Л. Рубинштейн, подводя итоги всей своей жизни в «Автобиографическом портрете ученого» [8, с. 484]. Следовательно, в рамках концепции

С. Л. Рубинштейна способность как пригодность или успешность в определенной деятельности может быть рассмотрена достаточно широко как пригодность к жизни, смысл и содержание которой есть «координаты возможностей и реальных деяний человека... в мире, в котором человек ищет и находит (или не находит) свое место, в котором он испытывает воздействия и страдание, в котором одно теряет, а другое приобретает взамен» [8, с. 488].

Проблема активности в западной мысли развита Гегелем, который писал о способностях как «ансамбле индивидов» [4], позволяющем ребенку присвоить конкретный социальный опыт. Гегель обращает внимание на универсальность любого человека как содержащего в себе всю полноту способностей. Поэтому идея ответственности за развитие своих способностей — важный вклад западной мысли в решение этой проблемы.

Проблема взаимоотношений среды и человека как первоначального измерения человеческого бытия поднималась и в работах К. Ясперса. Бытие человека есть ситуация, которая «означает не только природно-закономерную, но скорее смысловую действительность, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента, — действительность, приносящая пользу или вред, открывающая возможность или полагающая границу» [11, с. 9]. Будучи больным человеком, постоянно размышляя о месте и роли современного человека в мире, Ясперс писал: «Удивительно, какую любовь к здоровью развивает состояние болезни» [13, р. 26]. В своей работе «Смысл и назначение истории», показывая истоки современной ситуации, в которой оказался человек, он подчеркивает: «то, как человек преодолевает себя, составляет способ его проникновения в себя» [11, с. 378]. Ясперс указывает на две возможности этого преодоления. Первая — это самопознание через опыт как «свое существование», вторая, которая «находит себя в напряжении пограничных

ситуаций... где человек слышит призыв к своей свободе, исходя из которой он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть» [11, с. 378]. Первая возможность ориентирована на отчуждение от других людей и одиночество. Вторая возможность преодоления «уклонения от ситуации» связана с отношением человека к миру, так как действительность существования мира нельзя игнорировать. Главное на этом пути — «ощутить суровость действительности», потому что «основная ситуация, в которой находит себя человек, есть одновременно и основной признак его существа» [11, с. 377].

Представитель когнитивного подхода, Е. фон Глазерсфельд, интерпретируя взгляды Ж. Пиаже, формулирует следующие положения относительно трактовки жизнеспособности:

1. Любое знание активно строится познающим субъектом, а не приобретается пассивно через органы чувств или средства коммуникации.
2. Именно познание выполняет адаптивную функцию, то есть «служит наилучшей подгонке к миру и поддерживает жизнеспособность. Знание служит для организации субъектом мира своего опыта, а не для открытия объективной реальности».
3. То знание, которое поддерживает жизнеспособность организма, и есть истинное [12, р. 144].

Таким образом, понятие «жизнеспособность» применяется данным автором для подчеркивания роли индивида как исследователя самого себя и своей среды, другими словами, «наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя. Наблюдение создает самого наблюдателя... Конструируя мир, человек конструирует самого себя. А конструируя самого себя, создавая конструкты в своем сознании, человек конструирует мир. Причем паттерны этого обоюдного конструирования, структуры внешнего и внутреннего, объективного и субъективного сопряжены, конгруэнтны» [12, р. 201].

Интересна идея Э. Фромма о том, что любые способности вызваны к жизни активностью. Он пишет: «Активность, состояние активности... означает следующее: выявление, проявление тех сил, которые есть в человеке, но которые обычно остаются спрятанными и подавленными» [10, с. 201]. Расшифровывая противоположное понятие — «пассивность», Фромм указывает, что данная категория не предполагает, что человек «просто сидит, размышляет, медитирует или наблюдает за окружающим миром». Нет, «мы подразумеваем, что он направляется силами, которые не контролирует, что он не может действовать самостоятельно, а лишь реагирует» [10, с. 211]. Другими словами, «подлинная активность подразумевает использование и культивирование человеческих сил» [10, с. 212]. Раскрывая основные механизмы активности и пассивности, Э. Фромм как бы расшифровывает вышесказанное: «Активный человек никогда не забывает сам себя, он всегда остается самим собой и постоянно становится самим собой. Он становится более зрелым, он взрослеет, он растет. Пассивный человек — это вечный грудной младенец. То, что он потребляет, в конечном счете, имеет к нему весьма косвенное отношение. Он просто ждет с открытым ртом, как и в младенчестве, того, что предложит ему бутылочка. Затем он постепенно насыщается, ничего не делая самостоятельно. Ни одна из его психических сил не задействована, и в конце концов в нем развиваются сонливость и усталость. Его сон — это наркоз, истощение, вызванное скукой, больше нежели сон здорового поколения» [10, с. 232]. Поэтому Фромм всегда отстаивал свою позицию, смысл которой в том, что каждый человек должен «культивировать такое отношение к жизни, в котором *самовыражение и полная реализация всех человеческих потенций* признаются единственной реальной ценностью. Проще говоря, главное — *быть*, в противоположность *иметь*» [10, с. 233].

Большое внимание проблеме жизнеспособности уделял Р. Лазарус. Именно он вы-

двинул и доказал положение о ведущей роли когнитивных механизмов восприятия жизненного события как стрессогенного и нахождения человеком соответствующей реакции на это событие [14, р. 141]. Совладание с жизненными трудностями, как утверждают Лазарус и Фолкман, «есть постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы» [14, р. 323].

Иными словами, совладание рассматривается данными авторами как преодоление человеком некоторой угрозы его психологическому благополучию. Однако авторы говорят лишь о попытках, об усилиях человека, то есть о самом процессе совладания с жизненными трудностями. При этом усилия могут быть успешными, а могут и не дать желаемого результата. Таким образом, задача совладания с негативными жизненными трудностями состоит в том, чтобы либо преодолеть трудности, либо уменьшить их негативные последствия, либо избежать этих трудностей, либо просто терпеть их присутствие.

П. Тиллих, анализируя позиции представителей Европейской философии, указывает, что «начиная с Платона и Аристотеля понятие способности (*potentia*), или силы (власти, мощи)... описывает подлинную природу бытия» [9, с. 24]. Эта традиция послужила Ницше основанием для введения понятия «воля к власти». «Парадоксально, что «воля к власти» у Ницше — подчеркивает Тиллих, — это не воля и не власть, то есть это не воля в психологическом смысле и не власть в социологическом смысле. «Воля к власти» обозначает самоутверждение жизни как жизни, включающее самосохранение и рост» [9, с. 24–25]. Определяя способность к жизни, Тиллих пишет, что это «жизненный процесс, которому свойственно равновесие между страхом и мужеством, что на языке биологии называется витальностью». «Жизнь включает в себя и страх и мужество в качестве элементов жизненного

процесса, находящихся в состоянии подвижного, но в сущности устойчивого равновесия. До тех пор, пока жизнь обладает таким равновесием, она способна сопротивляться небытию. Неуравновешенный страх и неуравновешенное мужество разрушают жизнь» [9, с. 59].

«Витальность, жизненная сила находится во взаимосвязи с тем видом жизни, которому она дает силу. Так, силу человеческой жизни невозможно отделить от того, что средневековые философы называли «интенциональностью», — отношением к смыслам. Витальность человека сильна настолько, насколько сильна его интенциональность; и наоборот: они взаимозависимы. Это делает человека наиболее витальным из всех живых существ. Он способен трансцендировать любую заданную ситуацию, а эта способность побуждает его к выходу за собственные пределы, к творчеству... В каждой встрече человека с реальностью присутствуют структуры его Я и мира в их взаимозависимости» [9, с. 60].

«Мужество быть частью», «буквально «соучаствовать» — значит принимать в чем-то участие. Это выражение может выступать в трех значениях. Одно значение — «действовать совместно с другими». Другое — «обладать сообща». Третье значение — «быть частью... Может показаться, что не мужество, а слабость побуждает нас утверждать себя в качестве части. Однако бытие в качестве части свидетельствует о том, что самоутверждение обязательно включает утверждение себя как «участника» и что небытие угрожает этой стороне нашего самоутверждения в той же мере, в какой оно угрожает и другой стороне, а именно утверждению Я в качестве индивидуального Я» [9, с. 61].

«Созданный человеком мир объектов подчинил себе того, кто сам его и создал и кто, находясь внутри него, утратил свою субъективность... Он не знает, где выход, но старается спасти в себе человека... Его реакция — это мужество отчаяния, мужество принять на себя свое отчаяние и сопротивляться радикальной угрозе небытия, проявляя мужество быть собой» [9, с. 99–100].

Проблемой жизнеспособности интересовались и западные психотерапевты. Так, Д. Бьюдженталь писал, что «постоянно колеблющееся равновесие между жизнью и смертью внутри нас — главный барометр, определяющий ход нашей жизни... У нас слишком ограниченный и частичный взгляд на свою природу, и мы не знаем, как достичь жизни, которая является нашим естественным состоянием» [3, с. 21]. Отсюда поставленная этим психотерапевтом проблема — как быть жизнеспособным, то есть чувствовать себя живым, потому что «каждый из нас — духовный инвалид, искалеченный, поврежденный в своей жизнеспособности человека?» [3, с. 22]. На поставленный вопрос Бьюдженталь отвечает следующим образом: если человек открыт всему многообразию мира, когда он принимает ответственность за свою жизнь, когда он не подавляет свои чувства, то он чувствует себя живым. Другими словами, «я в наибольшей степени чувствую себя живым, когда открыт всему многообразию как моей внутренней жизни — желаниям, эмоциям, потоку мысли, телесным ощущениям, рассудку, ценностям», с одной стороны, а с другой — «когда мои решения находятся в гармонии с моим субъективным чувством» [3, с. 120–121]. Д. Бьюдженталь также пишет о негативной роли внешней среды, когда «приказы и оклики нашего общества — учителей, родителей, рекламы, советчиков и друзей... предостерегают нас против обращения к своему внутреннему знанию, постоянно вмешиваясь со своими инструкциями о том, как нам быть» [3, с. 123].

В результате можно рассматривать жизнеспособность как многомерный (интегральный) конструкт, определение которого формулируется на границе индивида и его социального окружения, что позволяет определить жизнеспособность личности как возможность адекватно конструировать свою модель жизни в соответствии с теми знаниями, умениями и навыками, которые есть на данный момент у личности, и теми ресурсами, которыми располагает личность для воплощения этой модели в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2016. 288 с.
2. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
3. *Бьюдженталь Д.* Наука быть живым. М.: Корвет, 2017. 332 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук // Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
5. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998. 712 с.
7. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1960. № 3. С. 3–15.
8. *Рубинштейн С. Л.* Дневники. О философии и философе (автобиографический портрет ученого) // Бытие и сознание. Человек и мир. М.; СПб.: Питер, 2003. С. 482–488.
9. *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. М.: Центр гуманитарных экспертиз, 2015. 352 с.
10. *Фромм Э.* Человек для себя. М.: АСТ, 2019. 320 с.
11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
12. *Glaserfeld E. von.* Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London: Falmer Press, 1995. 231 p.
13. *Jaspers K.* Philosophische Autobiographie // K. Jaspers Werk und Wirkung. Мюнхен: Piper Verlag, 1963. P. 12–36.
14. *Lasarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N. Y.: Springer Publishing Company, 1984. 445 p.

REFERENCES

1. *Anan'ev B. G.* Chelovek kak predmet poznaniya. SPb.: Piter, 2016. 288 s.
2. *Anan'ev B. G.* O problemah sovremennogo chelovekoznaniiya. SPb.: Piter, 2001. 272 s.
3. *B'yudzhental' D.* Nauka byt' zhivym. M.: Korvet, 2017. 332 s.
4. *Gegel' G. V. F.* Entsiklopediya filosofskih nauk // Filosofiya duha. M.: Mysl', 1977. 471 s.
5. *Rubinshteyn S. L.* Bytie i soznanie. Chelovek i mir. SPb.: Piter, 2003. 512 s.
6. *Rubinshteyn S. L.* Osnovy obshchey psihologii. SPb.: Piter, 1998. 712 s.
7. *Rubinshteyn S. L.* Problemy sposobnostey i voprosy psihologicheskoy teorii // Voprosy psihologii. 1960. № 3. S. 3–15.
8. *Rubinshteyn S. L.* Dnevniki. O filosofii i filosofe (avtobiograficheskiy portret uchenogo) // Bytie i soznanie. Chelovek i mir. M.; SPb.: Piter, 2003. S. 482–488.
9. *Tillih P.* Izbrannoe: Teologiya kul'tury. M.: Tsentr gumanitarnyh ekspertiz, 2015. 352 s.
10. *Fromm E.* Chelovek dlya sebya. M.: AST, 2019. 320 s.
11. *Yaspers K.* Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat, 1991. 527 s.
12. *Glaserfeld E. von.* Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London: Falmer Press, 1995. 231 p.
13. *Jaspers K.* Philosophische Autobiographie // K. Jaspers Werk und Wirkung. Мюнхен: Piper Verlag, 1963. P. 12–36.
14. *Lasarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N. Y.: Springer Publishing Company, 1984. 445 p.